

22) Шаранов Назаріон, Батлаевской станицы и 23) Шарманжинов Николай, Платовской станицы; VII-й класс: Баббушов Ильмижа, Власовской станицы, 25) Уланов Наран, Ново-Алексеѣвской станицы, 26) Уланов Лиджа, Денисовской станицы, 27) Шиханов Мирма, Денисовской станицы, 28) Шурганов Алексѣя, Эрвистинской станицы; VIII-й класс: 29) Далантинов Седман, Денисовской станицы, 30) Даржинов Манца Батлаевской станицы и 31) Тюльинов Даржа, Граббевской станицы.

Окончил в 1927 году гимназію Бембетов Басаи, Ново-Алексеѣвской станицы.

Дни национальных праздников отмѣчаются устройством вечеров, в которых участвуют наши учащіяся, демонстрируя свои достижения в области искусства, литературы, а также воспроизводи перед зрителями сцены из жизни Калмыцкаго народа или исполняя калмыцкія пѣсни, танцы, калмыцкія дѣтскія игры.

Во время нашего праздника «Цаган» в февралѣ 1924 г. учащіяся ставили на сценѣ отрывок из «Цы-

гане» Пушкина, переведеннаго на калмыцкіи языкъ Д. Н. Баиновой. Ею же была обработана и инсценирована одна глава народной поэмы «Джангар», которую мы ставили также во время «Цаган-а» в февралѣ 1924 г.

Так приобщаясь к блестящей чехословацкой культурѣ, стараюсь не забыть и изучить свой родной языкъ, учась и воспитываясь быть нужным своему народу и родным Краям, растет и развивается наша калмыцкая молодежь в Чехословакии.

Возродить былую физическую мощь — невозможно. Но стать, хоть и маленьким, но культурным — это можно быть первой задачей нашей жизни. Культура и цивилизация нас не раздавят и не обезличат нас, как націю, а наоборот, выкристаллизуют всѣ творческія силы пытливаго ума, ищущей души калмыка, укрѣпят и воодушевят национальную мысль и национализм дѣт Калмыцкаго народа.

Даржа Ремлен.

1. I. 1928. Прага.

Как трудно жить в странѣ, нам чуждой!
Гдѣ нѣтъ равнины, нѣтъ бугров,
Гдѣ можно было бы тѣсной дружбой
Сражаться в бѣгѣ скакунов:

Гдѣ утром иль в часъ поздній, лѣтній
Летнишь и слышишь чудный звон:
И пѣсню птиц... трав шелест легкой,
И стук копыт со всѣхъ сторон:

Гдѣ ты один, дитя свободы,
Летнишь ты гордый в этот часъ,
Как сын степей, как царь природы!
Твой конь-стрѣла! таков всѣхъ гласъ.

Сентябрь 1927 год.
Чехія.

Как больно нам, когда желанье
Горит всегда у нас в сердцахъ:
Проклять и скитанье и изгнанье,
Потом домой... домой сейчас!

Но волны жизни бьют и гонят
Без малаго нас восемь лѣтъ.
О, Боже мой! Его всѣ просят —
Еще молчаніе — им отвѣтъ.

О ты, наш Край родной, далекій!
Все там ли ты? О, Родина!
Прими поклон от нас наш низкій,
Прощай ты чудная страна!

Д. Тюльинов.

На Цаганѣ.

В один темный, в южный зимній вечер, когда по пушистым головкам камышей, по торчащим соломкам скирдов, по трубам землянок, под скрип ворот, вѣтер пѣлъ пѣсни заунывныя, у добродушных супругов Бахиновых собралось человекъ десять сосѣдей, любителей покоротать время.

Разговор шел о предстоящем через мѣсяцъ праздникѣ Цаганѣ. Говорили о том по сколько четвертей водки покупать на семью, кто зарѣжет овцу, кто телушку, кто свинью, но, главным образом, о том, сколько верховыхъ молодцов выѣдет с ихняго хотона на праздничные наѣзды, на какихъ лошадяхъ, какая из них окажется рѣзвѣе всѣхъ, гдѣ и с чьими табуницами произойдет столкновение.

— Конечно и в этом году мы поѣдем к Корольковцам и постараемся снять с себя прошлогодній поворъ — заявил молодой табущик Бокта.

— Для этого нужно выѣхать хорошей, ровной компаніей, на подобранных коняхъ, а, кромѣ того, нам непременно надо упросить нашего стараго волка Шара, чтобы он с нами выѣхал, — добавил другой.

— Да, да, если Шара не поѣдет с нами тряхнуть стариной, то ихній Дада все равно нас поразгоняет; уж очень искусно он может бить; большая сила в его рукахъ — заговорил третій.

— Вѣрно, вѣрно, Шара поѣдет с нами для выручки, а то давно он уже перестал выѣзжать на Цаган; пусть он пропустит в этом году богомолье в хурулѣ — заговорило сразу нѣсколько голосовъ.

— Гдѣ мнѣ... Куда мнѣ старику... да и грѣх ради драки пропускать «Дюлян». Мнѣ уже бои неинтересны; ничто не может замѣнить наслаждение, которое я получаю на всеобщемъ молебствіи перед этим свѣтлымъ праздникомъ в нашем храмѣ... Вы послушали бы, какъ красиво, трогательно поют манджикки, гелюны; какъ вдохновенно они служатъ всю ночь, а на зарѣ... когда торжественно вносят «Окон-Тенгир», когда сам бакша заводитъ встрѣчную молитву... молитву побѣды «свѣтлаго надъ чернымъ», — добра видлом; тогда вы позабывали бы о всемъ мірскомъ, не знали бы, гдѣ вы находитесь... да, это удовольствие, на удовольствіе побѣды в бою на плетяхъ я, старик, не промѣняю.

Во-вторыхъ, едвали я теперь, в пятьдесятъ лѣтъ, справлюсь съ Дада, с тридцатилѣтнимъ молодцомъ, в расцвѣтѣ силъ и здоровья, — отвѣчалъ сѣдоголовый, сутулый, рослый Шара, набивая трубку-самодѣлку махоркой.

Рѣчь его смутила молодыхъ; Шара былъ не только силачъ и лихой наѣздникъ, но и славился какъ человекъ «с острымъ языкомъ».

В землянкѣ водворилось молчаніе; только шипѣли посасываемыя трубки, дым которых густой пеленой носился по комнатамъ, да шлепались звучныя плевки на земляной пол.

Но тишина царила недолго, сперва один, а потом и все, опять пристали к старику с той же просьбой — спасти честь хотона.

Долго еще отпирался Шара, но в концѣ концов, истощив запас своего краснорѣчія, начал понемногу уступать.

А когда и его старуха, тут же сидѣвшая, сказала, что не слѣдует огорчать отказом «мужей» своего хотона, то старик и совсем сдался.

— Ну, ладно — отвѣчал он — только знайте, что у меня нѣтъ подходящаго коня, а конь в таком дѣлѣ много значит.

— Я с удовольствіем уступлю Вам моего вороного, сына «Лотоса» — радостно заявил один из табунщиков.

— И я могу уступить своего сѣраго, сына «Дикрана», уж он не подведет — заговорил другой.

— Нѣтъ... эти кони не годятся для меня; мнѣ ваших кровных-тонконожек, рѣзвых и горячих не нужно; я удирать не собираюсь; мнѣ нужен конь спокойный, крѣпкій и главное шелковый, послушный на поводѣ, чтобы мысли мои угадывал он в бою.

А таков только гнѣдой у старшаго табунщика Бомбу, его арканый, но только он его никому не даст, это — его любимый ѣздовой.

— Ничего, даст, мы пораньше его поздравим с праздником, а подвыпивши он уступит — заговорили уговорщики.

— Ну, если так, я согласен — сказал Шара и, пожелав всем «прекрасных снов», встал и вышел с своей старухой.

Было уже поздно. Поднялись за ними и остальные.

*

Мѣсяц прошел быстро. Цаган, наконец, наступил. Снѣг, валившій три дня, в ночь перед праздником перестал. День выдался не морозный, ясный. Ослѣпительно бѣлый, мягкій, еще душистый, снѣг на цѣлую четверть покрывал землю, весь хотон.

Поднялись в этот день рано, чуть свѣтъ; каждая семья радостно открыла свой праздник и начались визиты по старшим родственникам, по всем сосѣдям.

«Менду у гарбу та!» — во здравіи ли вызимовали, — «Цагантан эльзете болтуга!» — да принесет вам благо Цаган — раздавалось вездѣ. Хотон загулял.

Послѣ обѣда мужчины помоложе начали сѣдлать коней, чтобы ѣхать в гости в сосѣдній хотон верст за семь.

За Шара слѣдили молодые, которые все уговаривали его не пить много, помня свое обѣщаніе выѣхать с ними.

Старик неохотно, с трудом удерживался от соблазна.

Когда наѣздики начали садиться на коней и, горяча их, собираться, подвели и к Шара того самаго, гнѣдого, котораго он желал.

И скорѣ шайка, всадников в двадцать, рас-

тянулась по бѣлому полю в бѣшенной скачкѣ к сосѣднему хотону.

*

Здѣсь тоже гулянье было в полном разгарѣ. То тут, то там по хотону неслись звуки пѣсен, гармоники, балалайки.

Мужчины и женщины в нарядных одеждах сновали между землянками.

Прискакавшим гостям все были рады.

Любезно и охотно выполнялись традиціонныя праздничныя обѣятія, особенно между молодыми.

В угощеніях недостатка не было.

Всюду шла дружная попойка «хорошая», бесѣда. Драки и ссоры, как будто, не предвидѣлось...

— Ничья лошадь не может перетнать моего сѣраго, сына «Дикрана» — начал хвалиться вдруг один из гостей.

— Не хвали коня хозяйскаго; помни нашу пословицу, что первый дурак хвалит себя, второй дурак свою жену и послѣдній дурак своего коня — замѣтил ему один из мѣстных.

Этого было достаточно, чтобы первый вскочил и перетянул плетью по головѣ обидчика. За каждаго заступились свои; драка смѣнила шумное веселье. Как искра побѣжала эта вѣсть по хотону.

Послѣ недолгой кулачной схватки обѣ стороны послѣдно сѣли на коней и замелькали всадники в ожесточенном бою.

Нападая и отступая, снова группируясь, снова нападая, состязаясь в ловкости и силѣ, бьющіеся отѣхали от хутуна в поле, гдѣ больше простору коням.

Мѣстный боец, знаменитый Дада, медленно проѣзжал по полю боя, как бы высматривая себѣ достойнаго соперника.

Он чуял уже зачѣм пріѣхал старый Шара, незнавшій в свое время соперника на плетях. Собрав коня в комок, готовый в любую минуту одним прыжком пуститься вскачь, крѣпко сжав в рукѣ плеть, зорко слѣдил Дада за грушой противника.

Он видѣл, как Шара, небрежно взяв руку со сложенной плетью на бедро, склонив голову на бок, хорошим шагом своего гнѣдого красавца, спокойно направлялся к нему.

Дада насторожился.

— Держись!! паренек! — крикнул Шара и, даванув коня, ринулся на Дада.

В тот же миг, взвив коня на дыбы, помчался навстрѣчу ему и послѣдній.

На миг сѣхались всадники; свистнув в воздухѣ, мелькнули плети; одновременно послышалось два удара и противники разѣхались, не удержав разбѣжавшихся коней.

«Хорошо бьет молодчик, еще такой удар и, кто знает, выдержу ли подумал Шара, ловко поворачивая гнѣдого для вторичнаго нападенія.

«Не убавились еще силы у старика; голова кружится; в ушах звон; вторым ударом он, кажется, со мной покончит» думал Дада, готовясь встрѣтить врага.

Поединок двух знаменитостей так был интересен, что остальные, прекратив бой, с напря-

женным вниманіем слѣдили за ними. А бойцы вторично столкнулись; вторично нанесли по удару.

Послѣ второго полученнаго удара руки и ноги у Шара на минуту онѣмѣли, потом ослабѣли и мелко и часто начали дрожать.

У Дада от второго удара Шары правая нога выскочила из стремена и он едва не спустился с коня.

— Проклятый старик; как еще бьет; третьим ударом уж, конечно, выкинет меня из сѣдла — думал он, поворачивая обратно.

— Молодец, сынок! хорошо бьешь! «Хорошій ты мужчина», ты будешь мой достойный преемник первенства — громко заговорил вдруг Шара, приближаясь к Дада и протягивая руку в знак мира.

— О! мой старый брат! еще двадцать лѣтъ не дождетесь соперника себѣ; крѣпки ваши руки, еще могучи удары, — искренно заговорил Дада с удовольствіем тряся руку грознаго старика, радостный счастливым исходом опасной встрѣчи.

— «Старшій брат!» прошу Вас ко мнѣ на чашку водки — пригласил он старика.

— Правильно, сынок! — отвѣтил Шара, и оба врага, без злости заговорили, затянули пѣсню старины и направились к хатну. За ними послѣдовали и остальные.

— Эй! прими от стараго брата его коня, да

проси его в хату, да поднеси ему с пѣсней чашку водки троекратно! — крикнул женѣ Дада, подѣзжая к своей землянушкѣ.

— Прошу и вас, братцы, пожаловать ко мнѣ на чашку водки с пѣсней моей жены — приглашал он и остальных.

Жена его была извѣстная в хстонѣ пѣвица; каждому она поднесла с особой пѣсней.

Потом взяла она из-за печки грубо сдѣланную балалайку с двумя жильными струнами и через минуту полились, посыпались из-под ея проворных пальцев четкіе мотивы калмыцкой плясовой.

Началась очередь танцев...

К вечеру мужчины обоих хот-нов поскакали в третій, гдѣ пировали всю ночь. Только на третій день разѣхались табунщики по своим х-там т. к. на четвертый день нужно было приступить к своим обычным работам у табуна в степи.

«Эх! хорошо бы сейчас жить в своей станицѣ, там свободные люди гуляют десять суток, не то, что мы нанятые — говорили они, собираясь в табун.

В длинные зимніе вечера, в холодном и дымном «джулумѣ», под вой степного бурана, прошедшій праздник долго будет темой для разговоров.

1928 г. февраль.

С. Балыков.

Судьба Калмыков, бѣжавших с Волги. Карашарское ханство.¹⁾

В 1630 г. на Волгу прикочевала из Средней Азии во главѣ с Хо-Орлѣком орда западных монголов в составѣ нѣскольких родственных племен,²⁾ извѣстных у нас под общим названіем калмыков. Пришельцы покинули свои прежнія кочевья — Джунгарію — и явились в Россію отчасти вслѣдствіе внутренних междоусобій среди отдѣльных князей Западно-Монгольскаго Союза, а главным образом, под влияніем стремленія найти для своих пастбищ новыя свободныя мѣста. Достигнув Волги, калмыки заняли степныя пространства по нижнему ея теченію и, совершенно не считаясь с тѣм, что они поселились на русской территоріи, предприняли цѣлый ряд набѣгов на города Поволжья.

Отношенія, создавшіяся между калмыками и Россіей, долгое время остаются весьма неопредѣленными. Несомнѣнно, что русское правительство с самаго начала стремилось заставить калмыков признать суверенитет русской государственной власти и фактически подчиниться ей, но от болѣе или менѣе рѣшительных дѣйствій в отношеніи этих безпокойных степняков оно находило нужным воздерживаться, опа-

саясь вызвать обратный побѣг калмыков в Джунгарію и, слѣдовательно, потерять их. Что же касается калмыков, то они в отношеніи русскаго правительства держались обычной политики кочевников — опортунизма, сообразно этому, то изъявляли покорность Россіи, то нападали на русскіе караваны и русскіе города, то завязывали сношенія с Пекинским Двором, высказывая ему свое недовольство русскими властями³⁾ а на ряду со всѣм этим сохраняли самую живую связь со всѣми джунгарскими сородичами, поддерживали их военные замыслы и во всякую минуту были не прочь, смотря по обстоятельствам, повоевать и с Россіей, и с Китаем.

При наличности этих общих условій в образѣ дѣйствій калмыков, при их сравнительной многочисленности, подвижности и воинственности у русскаго правительства оставалось слишком мало средств для того, чтобы удерживать кочевников в повиновеніи и подчиненіи, не прибѣгая к крутым мѣрам, и потому в теченіе долгаго времени оно ограничивалось лишь тѣм, что разными путями и способами, до угрозы военной силой включительно, поддерживало желательнаго ему претендента на ханскій тронъ всякій раз, как послѣ смерти или сверженія

¹⁾ Составлен этот очерк на мѣстѣ по разсказам калмыков и их Хана и личным наблюденіем давно умершим учеником проф. В. Л. Котвича — Б. Долбетовым около 1910—11 г.г. Очерк этот был напечатан в одном из изданій генеральнаго штаба, но секретно и почти никому неизвѣстен. В настоящее время его прислал проф. Львовскаго университета В. Л. Котвич для журнала «Улан Залат». (Редакція.)

²⁾ Торгутов, дербетов, хошутов, зюнгар и хойтов.

³⁾ В 1714 г. Хан Аюка безвѣдома и согласія русскаго правительства принял китайское посольство в Пекина, причем открыто заявил китайцам о своем расположеніи к Россіи.